

Книги Дианы Удовиченко
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ЭФФЕКТ ИСКАЖЕНИЯ

ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ИМПЕРСКИЙ ЯСТРЕБ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВРАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВЕРХОВНЫЙ МАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. РЕКВИЕМ ПО ИМПЕРИИ

В соавторстве с Максимом Удовиченко

ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИЗГНАННИКИ
ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. СКИТАЛЬЦЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО,
МАКСИМ УДОВИЧЕНКО

ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. СКИТАЛЬЦЫ

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
У31

Серия основана в 1992 году
Выпуск 734

Художник
В. Федоров

Удовиченко Д., Удовиченко М.
У31 Зеркала судьбы. Скитальцы: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011.— 348 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1021-7

Когда все вокруг плетут интриги, как не запутаться в причудливой сети? Эльфийский маг Лэй, не обремененный такими понятиями, как долг, справедливость и честь, до сих пор спасался только благодаря природной хитрости. Орочья воительница Мара сражалась открыто, не жалея сил и не шадя врагов. Но люди не уступают эльфам в коварстве и превосходят орков в жестокости. Чужакам больше нельзя оставаться в человеческих землях, теперь они снова вне закона. У скитальцев по-прежнему одна дорога, только идут они к разным целям.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1021-7

© Диана Удовиченко,
Максим Удовиченко, 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

Благодарим за искренний интерес к этому роману, добрые советы и поддержку наших друзей, писателей Галину Ли, Алину Илларионову, Анну Тьму, Тимофея Григорьева и Ярослава Денисенко.

Отдельная благодарность славным издательским чародеям: главному редактору Владимиру Маршавину и художественному редактору Николаю Безбородову — за мудрость и внимание к авторам, редактору Виктору Еремину — за терпение и науку, художнику Вячеславу Федорову — за обаятельные образы героев.

Авторы

ПРОЛОГ

Мир покрывала тьма — густая, почти осязаемая. Она пропитывала воздух, липла к коже, заливала мраком глаза. Тир-на пробивалась сквозь эту непроглядную тьму, брела туда, где — она интуитивно чувствовала — находилась та, что нуждалась в ее помощи. Наконец чернота стала рассеиваться, но на смену ей пришел зеленоватый туман, из которого к прорицательнице протягивались извивающиеся щупальца. Ольда небрежно проводила перед ними тонкой рукой, и жадные стрекала сокращались, отдергивались в испуге.

Наступил момент, когда ее упорство было вознаграждено: впереди забрезжил свет — теплый, ласковый. Гадалка вступила в очерченный им круг, посреди которого лежала черноволосая женщина, закутанная в теплое одеяло. Ольда внимательно всмотрелась в лицо спящей. Словно почувствовав это, черноволосая вдруг открыла глаза и ответила прямым бесстрашным взглядом. Чтобы не раздражать больную, ольда откинула капюшон.

— Тир-на? — прохрипела женщина.

— Я не ошиблась в тебе, орка. Ты и вправду сильна, — ответила прорицательница. — Но ты победила болезнь, а не судьбу.

— О чем ты?

Гадалка хотела было пояснить, но ее перебил зазвучавший в сознании голос — красивый и такой ненавистный:

— Тир-на! Вернись и говори, Тир-на!

Звук этого голоса спутал мысли, сковал речь, стиснул горло спазмом. Следом невидимая рука подхватила и потянула ольду назад, в реальность, причиняя дикую, нестерпимую боль. Она сопротивлялась изо всех сил, зная, что необходимо заговорить, предупредить, предостеречь... Язык плохо слушался, но на помощь пришли карты судьбы — верные соратники, сопровождавшие хозяйку везде, даже в видениях. Они соткались на ладони прямо из воздуха, слабо завибрировали, возвещая, что готовы предсказывать.

— Смотри, — с трудом выговорила Тир-на.

От колоды отделился цветной прямоугольник, взлетел и запорхал вокруг лежащей орки. Ольда говорила, объясняла, мысленно отвергая настойчивые призывы повелительного голоса, превозмогая силу, которая утягивала ее из круга. Но ей мешали, перехватывали слова, из-за этого пришлось прибегать к помощи намеков и иносказаний. Боль становилась все резче, мучительнее, и гадалка сдавалась, позволила увести себя из видения.

— Следи за зеркалами, — сумела она выговорить на прощанье, накидывая капюшон и растворяясь в темноте.

Вернувшись в постылую комнату — ее тюрьму и, возможно, последнее пристанище, ольда тихо застонала.

— Взгляни на меня, Тир-на, — произнес все тот же неуловимый голос.

Гадалка открыла глаза и поморщилась при виде красивой белокурой девушки, которая склонилась над ее распростертым на топчане телом.

— Ваше племя всегда славилось упрямством. Но ты, Тир-на, превосходишь всех, кого я когда-либо встреча-

ла, — укоризненно произнесла красавица. — Соглашайся служить, и мне не придется больше мучить тебя.

— Я служу лишь одной госпоже, — через силу усмехнулась прорицательница, — и рано или поздно она покарает тебя, Мелодия. Нельзя безнаказанно играть роль самой судьбы.

— Даю тебе еще сутки на размышление, Тир-на, — сказала волшебница, не обратив внимания на угрозу, проскользнувшую в словах ольды. — И если ты не смиришься, мне придется вдвое увеличить дозу зелья Беспамятства. Это убьет тебя, но прежде ты расскажешь о своих видениях.

— Будь проклята, — устало уронила гадалка, закрывая глаза.

— Ровно сутки, — напомнила Мелодия, строптиво вскинув голову, и направилась к двери.

Ольда осталась одна. Уселась на топчане, устремив в стену невидящий взгляд огромных красных глаз, и погрузилась в раздумья.

Ее не пугали предупреждения жестокой волшебницы. Ольды — магические существа, посвященные Лак'хе, они неподвластны ни Десиду, ни мортам — его ангелам. Смерть для них — лишь небольшой отдых перед новой дорогой, еще одной в бесконечном существовании. Боль — для всех боль, но и ее можно перетерпеть. Неволя — вот единственное, чего не могут выносить гордые дети кочевого народа. В этой маленькой каморке, где не было даже окон, Тир-на задыхалась, ее свободолюбивая душа изнывала, требуя лучей Атика, свежего ветра, запахов травы, цветов и дождя.

Служить людям? При всем своем хитроумии Мелодия безнадежно глупа, если надеется на это. Жрицы великой богини служат лишь ей. Мудрые, загадочные и неуловимые, они путешествуют по Вирлу, следя за тем, чтобы не искажались пути судьбы. Судьба — вот главная движущая сила в этом мире. Каждое существо должно пройти дорогу, предначертанную только ему. Дороги эти перекрещиваются, переплетаются, идут рядом, разбегаются, накладываются друг на друга, снова расходятся и теряются в

разных сторонах. Их количество в Вирле так же бесконечно, как число отражений в комнате, полной зеркал.

Разумные существа каждый миг делают выбор, определяющий их дальнейшую жизнь. Им кажется, что таким образом они строят свою судьбу. Они заблуждаются. Судьба не зависит от решения смертных, она сама торит их пути. Но такой порядок сохраняется лишь до тех пор, пока разумные свободны в выборе. Когда же одни из них начинают играть жизнями других, предначертания ломаются. А это может привести к непоправимым последствиям.

Судьбы мира? Судьбы народов? Это миф. Ведь они складываются из судеб каждого живого существа. Именно поэтому каждая дорога священна. Лак'ха не любит, когда искажаются нарисованные ею линии. Она дает жрицам знак, отмечая тех, кто нуждается в помощи. Ольды не имеют права деятельно вмешиваться в жизнь разумных, они только осторожно указывают, в каком направлении следует идти. Бродят по Вирлу под видом гадалок, но карты раскидывают лишь тем, на ком стоит знак богини, видимый только красным глазам прорицательниц. Эти двое — волшебник-эльф и воин-орка несут на себе прикосновение Лак'хи. Они сбились с пути из-за интриг сильных мира сего. И если юноша сумел освободиться хотя бы на время, то девушка продолжает пребывать в тенетах обмана. Думая, что сама распоряжается своей судьбой, на деле проживает жизнь, предназначенную не ей. Это плохо. Потому что линии этих двоих тянутся рядом, пересекая и задевая множество других. Это как переплетение нитей паутины: тронешь неосторожно одну — спутаются или порвутся остальные.

Одна великая богиня ведаёт, каких трудов стоило предупредить подопечных так, чтобы они поняли, что ждёт их впереди, но не заметили её пристального внимания. Когда привычный арсенал предсказательниц — сны и видения — был исчерпан, ольде пришлось даже отправиться в тюрьму, чтобы получить возможность поговорить с Маррой. Эльф беспокоил её меньше, чем орка: не особо обременённый такими понятиями, как долг, справедливость и

честное слово, он старательно освобождался от всяческой зависимости, проявляя при этом недюжинную изворотливость и смекалку. А вот Мара, несмотря на свои ум, силу и врожденное душевное благородство, запуталась в сетях человеческой лжи. Скорее даже все эти замечательные душевные качества и сыграли с девушкой злую шутку.

Жрица получила повеление богини в тот момент, когда несчастная Кай-на, умирая, в беспомощности выдала Мелодии тайну своего видения и, сама того не желая, указала местонахождение молодого саториса. С тех пор Тир-на следовала за оркой неотступно, одновременно издали приглядывая и за судьбой эльфа.

Казалось, все получается. И хотя картой Мары все еще был Повелитель тьмы, что означало недоброе влияние на ее жизнь властных особ, Лэю уже выпал Маг вместо Башни. Это означало: юноша прошел испытание внезапно открывшейся правдой и сумел обрести внутреннюю силу, чистоту души, что приведет его к инициации. Только вот, снова раскинув карты на орку и эльфа, Тир-на задумалась. Вторым символом судеб обоим легло Колесо Лак'хи. В сочетании с Повелителем тьмы получалось, что Маре предстоит искушение деньгами и властью. Девушке придется разгадать множество загадок и тайн, а на пути ей встретятся подлые, хитрые, изворотливые люди, справиться с которыми поможет только истинное прямотушие. Что же касается Лэя, то сочетание его карт поставило в тупик даже опытную гадалку. Выходило, что главный враг эльфа — это он сам, его чувства, эмоции, мысли. И еще в ближайшем будущем юношу ждала встреча с орлами. Как истолковать этот расклад, Тир-на не знала. Она попыталась заглянуть в будущее с помощью видений, но и в них не сумела ничего разглядеть. Колесо Лак'хи означало, что судьбы этих двоих могут обернуться как угодно. Но, стараясь понять и исправить их линии, прорицательница утратила осторожность и сама угодила в ловушку. Собственное будущее ольды провидеть не умели.

Ее мучительница хотела, чтобы жрица пользовалась своими видениями для поиска новых саторисов. Получив

отказ, Мелодия прибегла к зелью Беспамятства, уже испытанному на предшественнице Тир-на. Но опытная, обладавшая огромной силой гадалка даже в полубреду продолжала бороться. Приказ волшебницы: «Найди мне саторисов!» — заставил ее перенестись в заброшенный форт Приграничный, увидеть то, что там происходило. Тир-на изо всех сил сопротивлялась воздействию зелья: ни в коем случае нельзя было выдавать Лэя, которого Мелодия считала мертвым и уже сбросила со счетов. Понимая, что завтра скорее всего для нее не наступит, ольда сделала последнюю попытку достучаться до подопечных, послав свой образ в горячечный кошмар больной орки. Но эта встреча на тонкой грани реальности и сна была слишком короткой. Тир-на успела только помочь девушке отогнать болезнь, спорами безумия прораставшую в разуме, и сказать несколько слов. Она надеялась, что, выздоровев, Мара задумается о смысле видения. Больше жрица ничего не могла сделать ни для нее, ни для эльфа.

Завтра ее ждет смерть. Но Мелодия будет разочарована: возможностей прорицательницы хватит на то, чтобы не рассказать о своих видениях. Тонкие пересохшие губы Тир-на растянулись в грустной улыбке: смерть лучше неволи.

ГЛАВА 1

Мара

Северный ветер снова швырял в лицо колкую снежную крупу, мороз кусал щеки, пробирался под одежду, холодный воздух обжигал горло, делая дыхание болезненным. Лед на каменистой земле, лед, падающий с неба, лед в душе и на сердце...

Проклятый перевал давно уже остался позади, и мы спустились в плоскую долину — караван, а вернее, его остатки, прибыл в Нордию. Буран не утихал, наоборот, разыгрывался сильнее, заматывая наши следы, мешая видеть то, что ждало впереди. В этом назойливом белом мельтешении невозможно было разглядеть ни дороги, ни человеческого жилья.

Я ехала вслед за Атиусом, который по одному ему известным признакам выискивал правильный путь в этом ледяном безумии. Ноги Зверя по колению утопали в снегу. Рядом брел Нарцисс, поводья которого я привязала к луке своего седла. Мне все время казалось, что конь горюет по хозяину — так печально он понурил гордую голову. Всякий раз, оборачиваясь, я видела его глаза цвета светлого янтаря — потухшие, какие-то больные.

После гибели Дейнариэла жеребец попытался ускакать от каравана, но не мог обойти мулов на узком перешейке. Он никого к себе не подпускал, вздергивал голову, когда люди пытались взять его за поводья, вставал на дыбы, рискуя свалиться в ущелье вслед за хозяином, и бил копытами так, что чуть не расшиб голову погонщику, который в недобрый час попытался его удержать. Времени на то, чтобы

сладить с ним, не имелось. Следовало как можно скорее уходить из опасного места, пока перевал окончательно не занесло или прямо из камня не вылезло еще одно семейство червей. Атиус уже решил было, что придется убить строптивца, чтобы не подвергать мучительной смерти от холода, и мне пришлось вмешаться. Не сумела спасти Дея, так хоть коня его от гибели избавить. Хотя бы это я могла сделать в память о друге.

Наш народ, конечно, не обладает такой властью над животными, какая дарована эльфам. Но умение ладить с лошадьми у орков в крови. Я разогнала людей, бестолково пытавшихся вцепиться в узду жеребца, подошла поближе и остановилась в трех шагах от него, сложив руки на груди и тихо приговаривая на орочьем:

— Успокойся. Успокойся, друг. Все хорошо...

Конь все еще нервно дрожал, но уже не вставал на дыбы, и это было маленькой победой. Прядая ушами и раздувая ноздри, Нарцисс прислушивался к звукам незнакомой речи. Я не торопилась подходить к нему, повторяла одни и те же слова — ровно, негромко. Наконец Нарцисс вытянул в мою сторону голову и с фырканьем выдохнул воздух через ноздри. К удивлению всех присутствующих, я ответила тем же и, зайдя сбоку, начала медленно приближаться к жеребцу. Подойдя к нему, осторожно коснулась шелковистой шкуры кончиками пальцев, тихо приговаривая ласковые слова. Нарцисс перестал дрожать и с опасливым любопытством косился на меня желтым глазом.

— Молодец. Молодец. Умный конь. — Я перекинула руку через его спину, обняла, давая почувствовать свое тепло, похлопала по боку. — А теперь пойдем со мной.

Успокоенный жеребец позволил взять его под уздцы и послушно затрусил за Зверем. Но из него как будто ушел тот веселый задор, который есть у всякой хорошей лошади. Он не признал меня хозяйкой, не подружился со мной — просто смирился с неизбежным, следуя за тем существом, которое понимало его лучше других.

Но и на узком перевале, и в долине в свисте ветра мне

слышался последний крик Дея. Вглядываясь в белую круговерть, я видела перед собой только умоляющие, широко распахнутые зеленые глаза и беспомощно скользящую по снегу тонкую руку.

Я — воин и привыкла к смертям. Но почему в моей жизни столько потерь? У меня больше нет близких: отец, мать, Олав — все они ушли в Альгебар. А теперь и этот смешной, нелепый ушастый мальчишка, которому я поклялась в дружбе... Остались только Ал да Зверь. И чувство вины. Он спас меня в заброшенном форте от смертельной болезни, а я не смогла ответить тем же.

Но не только это не давало мне покоя, снова и снова возвращало к мигу гибели Дея. Было что-то еще. Что-то, чего я сама не могла понять. Какая-то неправильность в картине, стоящей перед моим внутренним взором. Она мучила меня, изводила, заставляла вспомнить. Но у меня не получалось.

За тяжкими раздумьями я не заметила, как впереди показалась фактория Стоцци. Из-за высокого деревянного забора доносился лай собак. Мы уже подъезжали к воротам, когда вдруг прямо под копыта наших лошадей из снежного завихрения выпал большой черный клубок. Атиус выругался, осадил коня. Издавая непонятные звуки, ком откатился в сторону и распался на три части, при внимательном рассмотрении оказавшиеся невысокими людьми в черных шубах. Не обращая на нас никакого внимания и выкрикивая что-то на незнакомом мне языке, они упоенно тузили друг друга тяжелыми дубинами. Но из-за ветра, сбивающего с ног, и толщины меховых одежд горе-воины не причиняли друг другу особого вреда, только злились и орали еще пуще. Откуда-то вынырнул четвертый человек, вооруженный коротким копьем. Воинственно потрясая оружием, он бросился к дерущимся. Увидев на поле битвы нового участника, троица спешно отступила и обратилась в позорное бегство. Несколько мгновений Атиус наблюдал за дракой, потом, пожав плечами, тронул коня. Караван вошел в ворота.

Фактория оказалась довольно большим поселком с

приземистыми бревенчатыми строениями. В центре стояла контора управляющего, там и остался наш командир. С нами же отправились провожатые, которые быстро расквартировали всех по домам. Здесь, как и в любом владении Стоцци, все было сделано с умом и на совесть. Мулов отвели в длинный барак для караванов, где под присмотром приказчиков работники фактории занялись разгрузкой товара. Измученных погонщиков устроили в доме неподалеку. К моей радости, конюшня в поселке тоже имела, и очень добротная — бревенчатая, утепленная тесом, с дощатыми полами и денниками, застеленными толстым слоем чистой соломы. Здесь даже была печь, которую топил немолодой конюх. Несмотря на уверения старика, что он справится, Зверя и Нарцисса я обходила сама. Убедившись, что с лошадьми все будет в порядке, отправилась в казарму охранников фактории, где выделили место и нам.

Под казарму был отведен большой дом, который состоял из просторных сеней, заставленных какими-то бочками и ящиками, и длинного спального помещения. Вдоль стены на расстоянии шага друг от друга в ряд выстроились топчаны, застеленные оленьими шкурами. В двух печах, расположенных в противоположных углах жилища, весело потрескивали дрова. Наши ребята уже устраивались в новом обиталище: занимали лежанки, скидывали тулупы, избавлялись от доспеха, переговариваясь с местными воинами, которых сейчас в казарме было пятеро.

— Мара, иди сюда, я тебе удобное место нашел, — окликнул меня Ал.

— Женщина? — удивленно вытаращился на меня молодой светловолосый парень. Потом, когда я сняла тулуп, обалдело уточнил сам для себя: — Девушка... орка!

Немного поглазев на меня, работники фактории возобновили расспросы:

— Ну как там, на большой земле? Что новенького?

— Уже три года тут сижу, — жаловался широкоплечий мужчина средних лет. — Обрыдло все! А что делать? Семью кормить надо, а здесь платят хорошо.

— Вот и сиди, пока сидится, — вступил в беседу Най. — Тебе ли жаловаться? Мы вот в Безымянных землях еле от проклятия отбились.

— Да уж ты-то отбивался! — расхохотался Ал. — Все руки, можно сказать, отбил!

В казарме воцарилось молчание. Воины глазели на нас, как на мортвов, вылезших прямо из царства Десида. Потом заговорили все сразу, перебивая друг друга и задавая множество вопросов. Никто из нас не горел желанием на них отвечать, не стремился вспоминать пережитое, возвращаться мыслями в пропитанный безумием мертвый город. Один лишь Най оживился, приосанился и, довольный всеобщим вниманием, завел длинный подробный рассказ.

— Похоже, настал его звездный час, — подмигнул Ал.

Я улеглась на топчан и прикрыла глаза. Разговаривать не хотелось. Больше всего я мечтала уснуть и забыться хотя бы на пару часов. Но знала, что даже в сновидениях картина гибели Дея не оставит меня в покое. А может, и Тир-на явится со своими загадками...

— Хватит пожирать себя, — вдруг произнес Ал.

Я снова открыла глаза и уставилась на друга, пытаюсь понять, чем вызвано его заявление.

— Хватит, говорю, — повторил он. — Думаешь, не вижу: ты коришь себя за смерть эльфа. Нет в том твоей вины!

— А ты ничего странного тогда не заметил? — осторожно спросила я, толком не зная, какой ответ мне нужен.

— Дай-ка подумать... — Ал принял сосредоточенный вид и поднял взгляд к потолку, изображая усиленную работу мысли. — Кучка людей, орка и эльф, недавно выжившие там, где не выживал никто, перевал, обрыв, метель и гигантские черви, выскакивающие прямо из скал... Нет, ничего особенного, все как всегда, обычный денек.

Да уж, мой товарищ не был бы собой, если бы не попробовал шуткой поднять мне настроение.

— Мара, — проговорил он, становясь серьезным, — не пытайся искать себе оправдания. Просто потому что тебе

не в чем оправдываться. Ты была слишком далеко и ничего не могла сделать. Погиб — значит, так ему суждено было, значит, Лак'ха оборвала нить его жизни. На том и конец.

— Прав, — кивнула я.

Наверное, я действительно цепляюсь за воображаемые обстоятельства, стараясь заглушить чувство вины...

— Слушай, — вдруг нерешительно произнес Ал, — ты только не злись. Но я хочу тебя спросить: ты в этого эльфа не того...

— Чего — того?

— Ну мало ли... может, он тебе приглянулся... А то уж больно убиваешься.

— Приглянулся?... — До меня медленно доходил смысл его слов, и я не знала, сердиться мне или смеяться. — Ал, ты его видел? А меня? Да он мне по плечо! И весит немногим больше Пламенеющего.

— Ну мало ли... — поняв, что я не собираюсь злобно скалиться и лупить его кнутовищем по затылку, друг облегченно выдохнул и принялся развивать тему: — Он парнишка хороший. Смазливый, такие девчонкам нравятся... Опять же лекарь знающий и маг неплохой. А что уши острые — так что с того? Уши в этом деле не главное.

— Прекрати. — Я поморщилась. — Он погиб, а ты так...

— А что я? — внезапно разгорячился Ал. — Вот сколько тебе лет, Мара?

— Девятнадцать.

— Взрослая женщина. А только ведешь себя дико.

— Хм. — Я уселась на топчане и приготовилась слушать. Парень явно хотел высказаться. — И что же во мне дикого?

— Ты — великий воин, Мара. Я правду говорю. И отличный товарищ. Но, прости меня за грубость, женщина из тебя, как из коня — певчая птичка.

Я пожалала плечами в знак того, что не могу сообразить, куда он клонит. Ал вздохнул и скорчил рожу, словно бы сетуя на мою непроходимую тупость.

— Вот ты красивая девушка. Вокруг полно мужиков. И

что же мы видим? — Он картинно повел рукой. — Ни игры в тебе, ни живости, ни кокетства. Хоть раз бы подмигнула кому, так нет же! Прет себе по жизни этакая зеленая орясина с фламбергом — не баба, не мужик, а вернее, бабому-жик!

Я потихоньку начинала закипать. Это как же он себе представляет: кокетка среди воинов?! Охранник, заигрывающий со своими товарищами?! В словесных баталиях я не сильна, поэтому подняла было руку, чтобы отвесить Алу хорошую затрещину, но вместо этого расхохоталась, вдруг осознав, что он таким образом просто пытается отвлечь меня от горестных раздумий.

— Ну вот, так уже лучше, — подмигнул друг. — Пошли в трактир, есть охота.

В местном питейном заведении было не протолкнуться — столько туда набилось народу. «Когда они тут работают? — подумалось мне. — Должны же шахты охранять». Однако вскоре все разъяснилось.

С трудом отыскав себе свободное местечко за длинным столом, мы уселись и заказали хмурому прислужнику жареной оленины — другого мяса здесь не имелось. Сразу вслед за нами в трактир явился Най в сопровождении целой свиты местных, каждый из которых желал угостить новоявленного героя. Для него тут же очистили место за столом в середине зала и поставили большую кружку с элем. Жаждающая рассказа толпа скрыла его от наших глаз, и мы могли слышать только громкий голос:

— И тогда оно как на нас попрет! Выручай, Най, говорит командир. Это я, Най-то. Ну, я тогда...

Что, по версии хвостуна, случилось дальше, нам так и не суждено было узнать, потому что в зал вошел Атиус. При виде него Най моментально стушевался, выскочил из-за стола и осторожно, бочком принялся пробираться к выходу. Проводив парня недобрым взглядом, маг устроился рядом с нами и бросил слуге:

— Мяса. И чего-нибудь покрепче. Большой кувшин.

Дождавшись, когда ему принесут заказ, наполнил

кружку красноватым, ядрено пахнущим напитком, осушил до дна и придвинул кувшин к нам.

— Брусничная настойка. Угощайтесь.

Мы переглянулись — Атиус вел так себя впервые.

— Да не стесняйтесь, ребята, пейте. Похоже, нам еще долго тут сидеть... Бунт у них, — пояснил он в ответ на наши настороженные взгляды.

Из рассказа мага я поняла следующее. Нордийцы живут небольшими обособленными племенами, в этом они похожи на орков. Пасут оленей, возделывают поля на скудной земле, охотятся, а те, что обосновались возле моря, еще и промышляют ловлей рыбы. Арвалийские торговые Дома нанимают мужчин-нордийцев для работы на шахтах. Неприхотливые коренные жители без устали трудятся за мизерную плату.

Спросите, зачем им деньги? Все просто. Помимо дешевых пестрых платков, зеркал и собственных имперских порядков, арвалийцы завезли в северную страну еще и горячительные напитки. Нордийцы, которые на протяжении многих веков не пили ничего крепче оленьего молока, мгновенно пристрастились к «жидкому огню», как они называли ржавку. Люди, не умевшие пить, вскоре становились горькими пьяницами, готовыми ради глотка горячительного снять с себя последнюю рубаху. Торговцы обменивали ржавку на мех пушного зверя, олени рога, из которых арвалийские маги делали сильные амулеты и лекарственные зелья, либо продавали за деньги. А заработать имперские риттоны и крионы (золота местным, конечно, не платили) можно было только на шахтах. С помощью такой нехитрой схемы население Нордии было вот уже более ста лет почти порабощено. Вождей, которые пользовались в племенах непререкаемым авторитетом, торговцы всячески задабривали: делали им подарки в виде той же ржавки и недорогих безделушек, этим обеспечивая себе возможность спокойно добывать и вывозить драгоценные камни.

— А почему было просто не завоевать Нордию? — перебила я.

История прилась мне не по нраву. Нечестно это все. Гораздо правильнее захватить страну в настоящей войне. Хотя... почему меня должны волновать эти люди? Они сами позволили так с собой обращаться. Попробовали бы арвалийцы прийти к нам в Т'хар!

— Трудно, — пояснил маг. — И дорого. Снарядить войско, обеспечить его провиантом. Пересечь Безымянные земли — сама знаешь, что одно это уже огромный риск, можно остаться без армии. Предположим даже, что Безымянные земли войско пройдет. А горный перевал? И все эти муки ради того, чтобы бегать по Нордии в поисках разбщенных селений? Нет, проще постепенно спойть. Но суть не в том...

Оказывается, в одном из племен умер старый вождь. На смену ему пришел сын, который вовсе не пил горячительного.

— Голова у него от ржавки болит, — сердито пояснил Атиус.

Очевидно, трезвенник был еще и неглуп. Оценив обстановку в стране, он решил захватить власть и объявить себя верховным вождем всех племен. Но поскольку остальные вожди не захотели уступить, непьющий нордиец развязал войну. Он запретил своим подданным употреблять ржавку и принялся нападать на соседей.

— Но арвалийцев же они не трогают? — уточнил Ал.

— Нет.

— Так почему вас это волнует?

Я почувствовала уважение к этому неизвестному трезвеннику. Судя по всему, он был человеком серьезным и решительным.

— Да ведь на шахтах работать некому! — рыкнул Атиус. — Все на войну ушли. Уже неделю как воюют.

Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться:

— Так та драка...

— Да, одна из баталий, — усмехнулся командир. — Управляющий факторией — тряпка и дурак. Твердит, что ничего не может поделывать. Мол, боится колдунов.

— Колдуны?..

— Здешние маги. Поговаривают, они обладают какими-то уникальными методиками. Хотя мне слабо верится: что нового можно придумать в стихийном волшебстве? Так что, ребята, — он залпом выпил кружку настойки, — придется разбираться с этим новоявленным князьком. Как представитель графа Стоцци, я не могу оставить шахты в таком состоянии.

Посидев еще немного, мы отправились спать. Едва закрыв глаза, я провалилась в глухую бездну без сновидений и вынырнула из нее только утром. За стенами казармы стояла темнота: зимние ночи в северных странах очень длинные. Скрипнула дверь — в дом вошел Атиус, принеся за собой дыхание холода.

— Мара, Ал, Най, собирайтесь. Метель кончилась, поедем на переговоры с нашим воинственным вождем.

Мы вместе вышли в морозную тьму. Я полной грудью вдохнула пахнувший снегом и дымом воздух — он напомнил мне о родных Холодных степях. За оградой нас ждали три олени упряжки с погонщиками, одна из которых была доверху нагружена какими-то мешками и свертками. Ее погонщиком был сам управляющий, при виде Атиуса заметно взволновавшийся. Мы уселись в сани по двое и отправились в путь. Олени ровно бежали по белому полю, выбивая копытами маленькие снежные вихри. Я наслаждалась каждым мигом этого темного морозного утра, чего нельзя было сказать о моих спутниках. Конечно, воины не хныкали подобно изнеженным девицам, но и особого удовольствия путешествие им не доставляло.

В небе забрезжил поздний рассвет, когда издали слышался звонкий собачий лай, возвестив о том, что впереди селение. Вскоре показались и остроконечные шатры, над которыми курился дымок. Навстречу упряжкам, потрясая короткими копьями, выбежали двое мужчин, похожих, словно братья-близнецы. Погонщики остановили оленей.

— Куда, однако? — на ломаном всеобщем грозно спросил тот, что подбежал первым.

— К Ыргыну, важные гости с большой земли, — ответ-

ствовал управляющий. — Подарки везут, говорить с вождем хотят.

— Жди здесь, — после некоторого раздумья решил воин, развернулся и зашагал к шатрам.

Второй остался возле упряжек, подозрительно поглядывая в нашу сторону. Вскоре гонец вернулся в сопровождении еще нескольких человек. Впереди всех шествовал, опираясь на толстый посох с резным навершием, седобородый, богато одетый старик. Его длинная пушистая шуба была белой как снег, голову венчала высокая шапка из того же меха. На фоне остальных нордийцев, облаченных в невзрачные куцые одеяния и внешне неотличимых друг от друга, дед выглядел как лебедь в вороньей стае. Обойдя упряжки кругом и что-то нашептывая, он потыкал посохом в груз, внимательно оглядел всех нас, задержался на мгновение взглядом на моем лице. Потом, безошибочно угадав в Атиусе главу отряда, остановился напротив него и что-то произнес.

— Колдун Нанук говорит, можно идти к Ыргыну, — перевел тот же воин, — если вы не принесли зла в своих душах.

— Скажи Нануку, мы принесли только дары, — торжественно возвестил Атиус, спрыгнув на снег и отвесив старику поклон, достаточно уважительный, но вместе с тем сдержанный.

Ответив тем же, колдун поощрительно махнул нам рукой и двинулся в селение. Наш командир отправился за ним, мы трое и управляющий, нагрузившись подарками с упряжки, пошли следом.

Вождь обосновался в самом большом шатре. Сидел возле очага, потягивая из большой чаши травяной чай, исходящий ароматным паром. Прямо скажем, он не походил на великого воина — маленький, тощий, болезненно сгорбленный. А еще мне не понравилось упрямое выражение истощенного лица. Полубезумный блеск раскосых черных глаз напомнил о рогворках — воинах, одурманивающих себя перед боем грибами и травами.

— Приветствую тебя, вождь, — проговорил Атиус. — Прими наши дары.

По знаку мага мы сложили мешки грудой к ногам Ыргына.

— Здесь красивые ткани для твоих женщин, — распинался между тем Атиус, — зеркала, бусы и нитки. Еще мы привезли тебе муку, чтобы женщины могли печь вкусные белые лепешки, сахар, острые ножи для охотников и много других полезных вещей.

Маг замолчал. Вождь встрепенулся, милостиво покивал и с любопытством спросил:

— А жидкий огонь привезли?

При этих словах колдун недовольно нахмурился.

— Мы знаем, что ты его не любишь, вождь, — ответил Атиус.

— Благодарю, человек с большой земли. — Во вздохе вождя мне послышалось разочарование. — Чего ты хочешь за все это богатство?

— Только поговорить с тобой, вождь. Попросить твоей помощи.

Колдун делал вид, что не понимает всеобщего языка, но тем не менее внимательно прислушивался к беседе. Он что-то тихо произнес, и Ыргын смилостивился:

— Хорошо, я буду говорить.

— Я знаю, что ты делаешь большое дело, — дипломатично сказал Атиус. — Да благословят боги твою дорогу. Но из-за войны мы лишились работников.

— У вас свои беды, у нас — свои, — приосанился вождь.

— Но твои люди подписывали бумагу...

Дальше потянулся длинный и нудный разговор, иногда больше похожий на перебранку, но чаще напоминавший торг. Мне стало скучно, я перестала вслушиваться и принялась рассматривать внутреннее убранство шатра, время от времени сталкиваясь с изучающим взглядом колдуна.

Беседа, казалось, подходила к концу, вождь все чаще соглашался с Атиусом, а маг сыпал обещаниями и посулами. Но тут вмешался Нанук. Он что-то коротко сказал Ыргыну, тот после некоторой заминки произнес:

— Договорились.

— Значит, ты даешь людей до лета, а я оставляю дары, выплачиваю деньги и сообщаю графу Стоцци обо всех твоих требованиях? — уточнил маг.

— Да. И еще оставь в дар ее. — Вождь с некоторой опаской указал на меня.

Это заявление было столь неожиданно и нелепо, что Атиусу едва не изменила его обычная сдержанность. Он немного помолчал, изумленно приподняв белесые брови и борясь то ли с гневом, то ли со смехом, потом осторожно переспросил:

— Ее?.. Но зачем?

— Сильная женщина. Сильные ноги, сильные руки. Высокая женщина. Хороших детей мне родит, — отрывисто пояснил Ыргын.

Однако, судя по его испуганному виду, он не испытывал ко мне никаких пламенных чувств и ничуть не жаждал остаться наедине. Зато взгляд колдуна сделался масляным.

— Мара, выйди, — приказал Атиус. — Ал с Наем, и вы тоже.

— Наконец-то, зеленая, ты хоть кому-то приглянулась! — расхохотался Най, когда мы втроем выбрались из шатра и отошли на почтительное расстояние. — Старик с тебя глаз не сводил!

— Завидуй молча, — парировал Ал. — Интересно, а за чем он нас выгнал?

Это я как раз отлично понимала. Хотя характер нордийцев и нельзя сравнить с орочьим, племенные обычаи очень похожи.

— Он правильно поступил. Для Ыргына женщина — низшее существо, почти товар, она не имеет права слова. Отказать ему в моем присутствии значит нанести оскорбление. С другой стороны, я такой же воин, как и вы. Поэтому уйти должны были все.

— А с чего ты взяла, что он откажет? — фыркнул Най.

Ал открыл было рот, чтобы ответить веселящемуся

парню, но не успел: из шатра вышел Атиус. Вид у мага был довольный и даже несколько игривый.

— Возвращаемся, — сказал он.

Мы уже рассаживались по упряжкам, когда ко мне подошел колдун. Что-то проговорив, он протянул костяную безделушку.

— Охранный амулет, — перевел сопровождавший его воин. — Нанук говорит, будет беречь от стрелы и копья.

Я вопросительно взглянула на Атиуса. Тот кивнул и произнес:

— Мара благодарит за подношение и принимает его.

Круглый амулет покрывали искусно вырезанные на кости письмена, в отверстие с краю был продернут кожаный шнурок. Эта штука напомнила мне обереги, которые изготавливал Одноглазый Улаф. Вежливо улыбнувшись, я повесила сомнительное украшение на шею. Физиономия колдуна приобрела довольное выражение.

Зашелкали кнуты погонщиков, и мы отправились обратно в факторию. Усилившийся ветер поднимал поземку, низкое небо нахмурилось тучами, погрузив в сумрак и без того короткий зимний день. Но несмотря на капризы погоды, настроение у моих спутников было отличное. Атиус, довольный результатами переговоров, подтрунивал над управляющим, Ал весело переругивался с Наем. И только я отчего-то испытывала странную грусть. Все это — заснеженные равнины, настоящий мороз, какого не случается в Арвальной империи, сумеречные короткие дни и непроглядные длинные ночи, а особенно селение нордийцев с такими знакомыми, такими уютными шатрами напомнило мне о Т'харе, всколыхнуло в душе острую тоску.захотелось забыть о суетной, сложной и чужой империи. Может быть, раз дорога в родные степи мне заказана, остаться здесь, где все просто и понятно? И снова зимой охотиться на пушного зверя, а когда настанет лето, нести на коне по бесконечному серебряному морю ковыля...

— Ты что?! — заорали мне в ухо. — Одурела?

Очнувшись, я обнаружила, что зачем-то перевесилась

через край саней и не вывалилась только благодаря Алу, который крепко держал меня за шиворот.

— Куда собралась? — возмущенно спросил друг, отवेशивая мне хорошую затрещину. — Ты рвалась выскочить, едва тебя удержал.

Я очумело помотала головой. Ал отпустил мой ворот, продолжая сердито бурчать что-то о безумных орках, которые дуреют от снега. Я же, ненадолго придя в себя, вскоре снова погрузилась в неясные мечты. Меня опять потянуло бросить все, забыть об этих людях, с которыми меня ничто не связывало. Разве могут они понять любовь к этим суровым землям, ощутить всю радость охотничьего азарта, восторг от бешеной скачки по степи...

— Мара! Еще одна выходка — и я сам тебя выкину!

Надо же! Оказывается, я снова едва не выпрыгнула из саней. Ал изрыгал ругательства, Най смотрел недоуменно, Атиус же только посмеивался. За время пути я еще три раза предпринимала попытки сбежать. В конце концов возненавидела себя.

— Что с ней? — взвыл Ал, когда мы прибыли в факторию.

— Разберитесь сами, — загадочно ухмыльнулся Атиус. — Считайте это новым экзаменом по антимагии. Подсказку вы получили, действуйте. А я пошел обедать.

Разумеется, Ная гораздо больше интересовал трактир, чем мои странности. Верный Ал остался со мной.

— Старый хрен явно тебя заколдовал, — озабоченно заявил друг, когда мы вошли в пустую по случаю обеденного времени казарму и уселись на топчанах. — Ну-ка, снимай его подарочек!

Я рванула кожаный шнур, отбросила амулет прочь, прислушалась к себе. Легче не стало. Если в этой штуке была какая-то магическая зараза, то она успела перекочевать в мои мысли. На подвижном лице Ала отразилось сожаление, смешанное со злостью.

— Поехать обратно и вытрясти из него душу? — задумчиво протянул он.

Я махнула рукой. Существовал гораздо более простой и надежный способ — раш-и.

Сконцентрироваться было невероятно сложно. В сознании плясали снежные вихри, мелькали незнакомые лица, свистел северный ветер. И так хотелось уйти туда, к людям, которые могли понять меня, стать моей семьей и племенем! Обрести свободу. Но где-то в глубине разума еще сохранился росток здравого смысла, говорившего, что свобода, к которой я так стремлюсь, на самом деле лишь иллюзия, и за ней меня ждут рабские цепи. Я нащупала этот крохотный росток и принялась осторожно взращивать его.

Прошло много времени, прежде чем мне удалось усмирить порывы души и тела и постепенно, медленно войти в раш-и. Больше не было ни диких желаний, ни страстей — на меня снизошло прохладное спокойствие, состояние равновесия. И в то же время я ощутила невероятную силу. Мир замер, все вокруг перестало существовать, остались только я и амулет. Сформировав из энергии разума тонкую плеть, я прикоснулась к костяному кругу, исследуя его, вытягивая информацию, заглядывая в прошлое. Вещица сопротивлялась, не желая делиться тайной. Но мое сознание победило. И увиделось тогда заснеженное поле, шатры из оленьих шкур, костер, выбрасывающий вверх оранжевые языки. И колдун в белой шубе, он плел заклинание, произнося неведомые слова. Я не понимала их смысла, но знала, о чем говорит старик. Он призывал в свидетели стихии огня, воплощенного в костре, воздуха, что порождает ветер, и воды, что превратилась в снег. Он просил землю откликнуться и подарить мертвой кости свое притяжение. Хватал невидимые отклики стихий, вплетая их в колдовство, скручивал заклинание в тугую нить. А потом резко встряхнул руками, и пульсирующие чары сорвались с кончиков пальцев, впитываясь в амулет. В этом действе была своеобразная красота — красота древней стихийной магии. Я впервые ощутила, как прекрасно бывает волшебство. Мне стало жаль разрушать его,

и я бережно расплела заклинание, отпустив составляющие его частицы на свободу.

— Bravo!

Вернувшись к действительности, я увидела Атиуса. Стоя на пороге, маг широко улыбался и аплодировал:

— Bravo, Мара! Ты сумела перейти на следующую ступень обучения. — Он уселся рядом со мной, поднял опустевший амулет и предложил: — Надень на память. Теперь это просто кусочек резной кости.

— Жестокое испытание, — нахмурился Ал. — А если бы она не справилась и убежала в селение?

— Тогда это стало бы испытанием для вас с Наем. Отправились бы ее выручать, — посерьезнев, сказал маг. — Я позволил Маре надеть амулет только потому, что верил в ее возможности. Будь на ее месте человек, он не совладал бы с заклинанием Нанука. Но орки отличаются устойчивостью к чарам. К тому же Мара очень сильный антимаг.

— И зачем старик это сделал? — поинтересовалась я.

— Судя по всему, он озабочен улучшением породы. Хочет, чтобы его народ снова стал свободным и независимым. Кстати, завоевание других племен — его идея. Он поит Ыргына травами, от которых у вождя появляется отвращение к ржавке. Правда, действует зелье недолго — потребность в горячительном у нордийцев уже в крови, так что приходится поить вождя ежедневно. Вот он и решил женить Ыргына на тебе, чтобы получить здоровое потомство.

Я промолчала, мысленно желая Нануку удачи, несмотря на его козни в отношении меня. Потому что если он сумеет захватить власть, то следующим шагом станет выдворение из страны арвалийских торговцев. А это будет справедливо.

— Отдыхайте, — сказал Атиус. — Завтра с утра выступаем. Местный погодник говорит, надвигается еще одна снежная буря. Нужно успеть пройти перевал.

Мы с удовольствием выполнили приказ командира и остаток дня провели в ничегонеделании: наелись до отвала в трактире и завалились спать.

Насчет утра Атиус высказался слишком мягко. Он поднял нас, когда в небе еще не потухла Ночная волчица. Несмотря на предупреждения мага-погодника, который твердил, что путешествие накануне метели равносильно самоубийству, мы покинули фабрику. Не сумев отговорить нас, волшебник с управляющим выделили отряду проводника из местной охраны.

Начало пути казалось спокойным: ветер стих, вокруг воцарилась тишина.

— Нехорошо, — бормотал проводник, — плохо дело...

Ребята лишь пожимали плечами. И только я одна мысленно согласилась: в северных краях такое зимнее безмолвие сулит непогоду. Вскоре наши опасения подтвердились: на рассвете с неба посыпались большие пушистые хлопья. Внезапно налетел ветер, подхватил снежинки, поднял сумасшедшую круговерть. Жалобно заржали испуганные кони. Один Зверь, привычный к холоду и снегу, продолжал спокойно пробираться сквозь буран. Нарцисс, поводья которого были привязаны к луке моего седла, нервно дрожал.

— Возвращаться надо, пока не поздно, — проводник с трудом перекрикивал вой метели. — Занесет!

— Успеем, немного осталось, — настаивал Атиус.

Но его слова заглушил страшный грохот, от мощных раскатов которого задрожала земля.

— Лавина с гор сошла, — пояснил проводник.

Пройдя пару миль, мы убедились в его правоте: перед нами высилась огромная белая гора — похоронив под собой и перевал, и подступы к нему, она отрезала все пути к большой земле. Мы оказались заперты в Нордии до весны.

Лэй

Я неожиданно для самого себя очнулся и широко распахнул глаза, будто кто-то одним рывком выдернул меня из сна. Такое пробуждение обычно случается, если резко и сильно толкнуть спящего. Первые несколько секунд я не мог прийти в себя и понять, где нахожусь, — не помнил абсолютно ничего. Когда же наконец удалось согнать

мысли в беспорядочно копошашуюся в голове кучу и с трудом сфокусировать взгляд на одной точке, пришла боль. Не то чтобы она была совсем уж невыносимой — нет, можно назвать ее терпимой. Все тело ныло, будто я угодил под табун бешеных диких лошадей, которые по странной случайности не растоптали меня в лепешку, а лишь попинали от души. Не болели только ноги.

Справившись с приступом боли, я принялся осматривать место, в котором неизвестно как очутился. После беглого изучения выяснилось, что я нахожусь в довольно просторной пещере. Она освещалась несколькими лучинами, воткнутыми в трещины стен. Примерно на высоте моего роста прямо в камень были вбиты металлические крюки, с которых свисали пышные пучки разных сушеных трав. Почти все растения мне были известны, но имелись и те, которые я видел впервые. Высокий потолок покрывала копоть от сложенного из камней очага, что находился прямо в центре пещеры. Над огнем на перекладине висел котелок, в котором начинало закипать какое-то варево. Кстати, его запаха я совсем не ощущал. Хозяин жилища не злоупотреблял чистоплотностью, и по полу был разбросан мусор: пожухшие, явно валявшиеся здесь с прошлого года листья, веточки, мелкие камешки и крупные черные перья.

Сам же я лежал на ложе из веток, сваленных вперемешку с соломой и сушеной травой. Все это сооружение напоминало огромное гнездо. Конечно, не королевское ложе, но мягко и удобно. Вдобавок кто-то очень добрый заботливо обработал и перебинтовал все мои раны.

Устав от долгого лежания, я решил хотя бы присесть, а там, может, и встать, если получится. Попробовал согнуть ногу в колене и... И понял, почему мои ноги не болят! Я их не чувствовал. Совсем. А это могло значить только одно: поврежден позвоночник.

Черной волной на меня накатила ужас. Спина покрылась холодным липким потом, к горлу поднялась тошнота. Перед мысленным взором возникали картины одна страшнее другой: маг-калека, никому не нужный, нищий,

убогий, вынужденный побираться и показывать на ярмарках дешевые фокусы... Это если мне удастся выбраться из этой пещеры. А если нет? Молодой эльф, умирающий в горах от голода...

Что за шутки судьбы?! Ради чего тогда я прожил свои двадцать семь лет?! Зачем трепыхался, сражался за свободу, убегал от преследователей?! Впервые в жизни я впал в настоящую истерику. Начал конвульсивно дергаться, стараясь хоть как-то подвигать ногами. Тело до пояса скрутило дикой болью, но я все равно продолжал попытки расшевелить беспомощные конечности.

— Успокойся, — прозвучал над головой чей-то странный голос. Будто с трудом выдавленный из горла, какой-то клекочущий, больше похожий на птичий крик, он был абсолютно лишен каких-либо эмоций и выражения, но обладал непонятным магнетизмом.

Я сразу же перестал дергаться, ужас ушел, сменился спокойствием, все переживания волшебным образом испарились.

Я медленно повернул голову на голос, чтобы рассмотреть его обладателя. Посреди пещеры стоял кровер, устремив на меня внимательный взгляд. Черные глаза выглядели яркими блестящими бусинами на покрытой белыми перьями птичьей голове. Оперение тела и крыльев было черным. Окрасом и мощным кривым клювом он напомнил мне орла. Впервые я видел кровера вживую, прямо перед собой. На картинках, если честно, птицелюды выглядели лучше, как-то... симпатичнее, что ли. Уж больно у этого было худое тело и слишком длинные, тонкие, словно высушенные, руки, каждый палец которых был украшен длинным загнутым когтем. Ноги кровера, прикрытые чем-то вроде штанов из перьев, были чуть согнуты в коленях, а заканчивались птичьими лапами с такими же, как на руках, только еще более длинными когтями. Единственное, что в этом существе было красиво, — большие мощные крылья, сложенные за спиной. Какой же у них размах, интересно?

Вспомнились лекции, которые нам читали в академии.

Особенности речи кроверов объясняются тем, что рот у них устроен не так, как у остальных говорящих существ. Отсутствуют губы, мягкие щеки и зубы, которые участвуют в создании звуков, также играет роль особое строение языка — у птицелюдов он тверже и менее подвижен. Как птицы, кроверы попросту очень точно копируют звуки, потому им легко даются любые наречия.

Тем временем хозяин пещеры медленно, вразвалку подошел и, дотронувшись до моего лба когтистым пальцем, произнес:

— Тебе надо спать.

Веки сразу потяжелели и начали закрываться сами собой, в постепенно потухающем сознании успела мелькнуть лишь одна мысль: «Морт! Это же настоящий гипноз!» Но сил сопротивляться не было, и я провалился в пучину сна.

Проснувшись, я увидел склоненную надо мною птичью голову. Кровер изучающе разглядывал меня, и по его неподвижному лицу... морде... в общем, не знаю, как это называется у птицелюдов, невозможно было определить, что он думает.

— Пей, — сказал он и поднес к моему лицу чашку с какой-то прозрачной жидкостью.

Я послушно осушил посудину. Питье оказалось прохладным, слегка горьковатым и без всякого запаха. Должно быть, то самое, которое бурлило в котелке, когда я проснулся впервые. Наверное, долго проспал, раз оно успело остыть...

— Отлично, — пробормотал кровер, когда чашка опустела. — Не волнуйся, ты сможешь ходить, только на восстановление этого навыка понадобится пара месяцев. У тебя было смещение позвонков, но я все исправил. Еще перелом левой ноги в трех местах, вывих правого предплечья, множество ушибов и ссадин.

Птицелюд сам ответил на мой невысказанный вопрос.

— Спасибо, что спас меня. Но разве возможно с такими серьезными травмами поправиться за столь короткий срок?

— Это благодаря зелью, что ты выпил. Из-за него твой организм направит на восстановление все силы. Все процессы в теле ускорятся. Правда, есть небольшой побочный эффект: жизнь сократится примерно лет на десять. Но ведь для эльфа это не срок, — объяснил кровер.

Действительно, для меня это была небольшая потеря в обмен на спасение и восстановление позвоночника. Лучше прийти к могиле на десять лет раньше, зато собственными ногами.

— Могу я узнать твое имя? — спросил я.

— Ты не сможешь его выговорить, зови меня просто Эр, — ответил птицелюд.

— Лэй, — представился я. — Еще раз благодарю за спасение, я у тебя в долгу.

— Теперь отдыхай. Мне надо покинуть тебя ненадолго, — произнес Эр, кивнув.

Я остался наедине с собой, и в голову сразу полезли воспоминания о том, что произошло. Последнее, что я помнил, — наполненный ужасом взгляд орки. Тогда в ее глазах промелькнуло что-то смутно знакомое. Я где-то уже видел и эти черные как ночь глаза, и выражение страха в них. Может, в тех видениях, которые являлись в зеркалах?..

Вспомнил! Заснеженный горный перевал, ледяной ветер, крупа с неба... И огромные чудища, выскакивающие прямо из камня. Скальные черви — кровожадные тупые твари. Я сразу попытался достучаться до их сознания — бесполезно. Червей снедал страшный голод, и они не обратили внимания на мое обращение. Впрочем, даже услышь они призыв, это ничего не изменило бы. Монстры слишком безмозглы, чтобы понять разумных...

Меня ударил скальный червь, и перед падением я долго балансировал на краю пропасти. Но как я умудрился сорваться? Ловкость дана эльфам от природы, и каждый из нас при желании мог бы пройти по канату, натянутому над бездной... В тот момент на меня налетел порыв ветра — мощный, неожиданный, он, словно чья-то рука, толкнул меня в грудь. Но почему?..